

ЖУРНАЛЪ

ВЕРШАКЪ

Литературно-художественный

Захватъ казачимъ разбѣдомъ австрійскаго автомобиля.

П. Митуричъ.

ВЕРШОКЪ

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ художественной литературы и сатиры.

Выходитъ по пятницамъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе литераторы: Леонидъ Андреевъ, В. Аренсъ, Сергій Ауслендеръ, Анна Ахматова, В. Войновъ, В. Горянский, Н. Гумилевъ, П. Гуревичъ, Л. Добронравовъ, О. Л. Доръ, Т. Ефимова, Рюрикъ Ивневъ, Н. Н. Киселевъ, В. Князевъ, Дм. Крючковъ, Борисъ Лазаревскій, Е. Лундбергъ, Б. Мирскій, М. Моравская, Д. Мусинъ, П. П. Потемкинъ, М. Пришвинъ, В. Пясть, А. Рославлевъ, Борисъ Саловской, М. Сазоновъ, М. Сандомирскій, Ю. Слезкинъ, Федоръ Сологубъ, Теффи, А. Тиняковъ, Н. Фалъевъ (Чужь-Чуженинъ), А. Чапыгинъ, А. Чеботаревская, К. И. Чуковский, Георгій Чулковъ, Иер. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.

Художники: Н. Л. Аронсонъ, А. Арнштамъ, А. Е. Архиповъ, А. О. Аванасьевъ, Альбертъ Бенуа, Б. Бобровскій, Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, И. И. Бродскій, А. Е. Бѣлогрудъ, В. М. Быстренинъ, С. А. Виноградовъ, К. И. Горбатовъ, И. М. Грабовскій, Г. Н. Горбловъ, С. Ю. Жуковскій, К. В. Дыдышко, Е. А. Киселева, К. А. Коровинъ, М. И. Курликъ, А. Б. Лаховскій, А. Линдеманъ, Г. К. Лукомскій, А. М. Любимовъ, А. О. Максимовъ, С. В. Малютинъ, В. Масютинъ, П. Митуричъ, А. А. Мурашко, И. Г. Мясоедовъ, И. П. Пахитоновъ, Л. О. Пастернакъ, В. Сварогъ, В. Плутниковъ, А. Прандъ, А. А. Радаковъ, А. А. Рыловъ, И. Е. Рѣпинъ, Ю. И. Рѣпинъ, А. П. Савиновъ, А. В. Скалонъ, Г. Струнке, В. Д. Фалилѣевъ, Н. П. Фешинъ, И. А. Фоминъ, Н. В. Харитоновъ, Н. П. Химона, В. Я. Чемберсъ, Г. Шегаль, О. И. Шалапинъ, П. Д. Шмаровъ, А. Р. Эберлингъ, А. Эйссертъ, К. Ф. Юонъ.

Подписная цѣна съ пересылкой:

за годъ за 1/2 г. за 3 м. и за 1 м.
6 р.; 3 р.; 1 р. 75 к. 75 к.

Цѣна номера въ отдѣльн. продажѣ 15 к.

Редакторъ-Издатель Д. М. Гутзацъ.

Цѣна объявленій—1 р. 75 к. за строку
нонпареля въ 1/4 часть страницы передъ
текстомъ и 1 р. 25 к. послѣ текста.

Редакция—Петроградъ, Воскрес. наб., 26.
Тел. № 410-98. Приемъ ежедн. отъ 3—5 ч.

Зав. худ. отдѣл. И. П. Бродскій.

Въ лѣсу.

Положивъ „КАДО“ въ
„ЛУКОШКО“
10 шт. 8 коп.

Лѣшій къ вѣдьмѣ шастъ!...
Въ лубяное стукъ окошко:
— „Экая напасть...“
Видно, нѣтъ красоты
дома“???”

Съ горя закурилъ:
Сразу вздрогнула хоромъ...
Домикъ заходилъ...
Слышенъ Вѣдьмы голосъ
страстный:

— „Ты „КАДО“ принасъ,
Такъ слоди, мой соколъ
лешій“.
Счастливъ ловелась!!

свободный художникъ

С. О. ОСЛАНЪ.

Художественный аккомпанементъ.

Разучиваніе оперныхъ партій.

Бронницкая, 19, кв. 19.

Тел. № 505-64.

Въ Царствѣ

Тайны.

Сборникъ новѣйшихъ
разказовъ.

А. Конанъ Дойль: «Умирающій сыщикъ», «Тайна воздуха» и «Мельтешечье океана». Арт. Морриссонъ: «Призракъ смерти». Джэкобъ: «Пророкъ». Филиппотъ: «Подъ пологомъ». Ришаръ О'Монруа: «Лиловое домино». Робертъ Ственсонъ: «Похитители труновъ». Уэльсъ: «Грядущая опасность». В. Рудинъ: «Тайна флигеля» и «Загадочное объявленіе».

Переводъ РУДИНА.

Цѣна 1 руб.

Изданіе Д. М. ГУТЗАЦА.

Петроградъ,
Шпалерная, 26.

ЗРѢНІЕ

никогда не обманываетъ
курачаго при видѣ зна-
комыхъ коробокъ обще-
излюбленныхъ папирсовъ
Богданова

ЯКА—10 шт. 10 к.

ДѢДЪ-ТАБАНОВЪ ДЪ.

Вышла въ свѣтъ новая книга:

Исидоръ Гуревичъ.

СИГНАЛЬНЫЯ РАКЕТЫ.

Юмористическіе разказы.

Обложка работы художника Ре-ми.

Цѣна 1 р. 25 к.

Гл. скл. изданія: «Новый Сатириконтъ», Петроградъ,
Невскій, 88.

Того-же автора: «Бархатные когти», юмор. разск.,
ц. 1 р., «Шины любви», юмор. разск., ц. 1 р. 25 к.

Продаются въ лучш. кн. маг. и кіоскахъ жел. дорогъ.

ЖУРНАЛЪ

ВЕРШОКЪ

Литературно-художественный

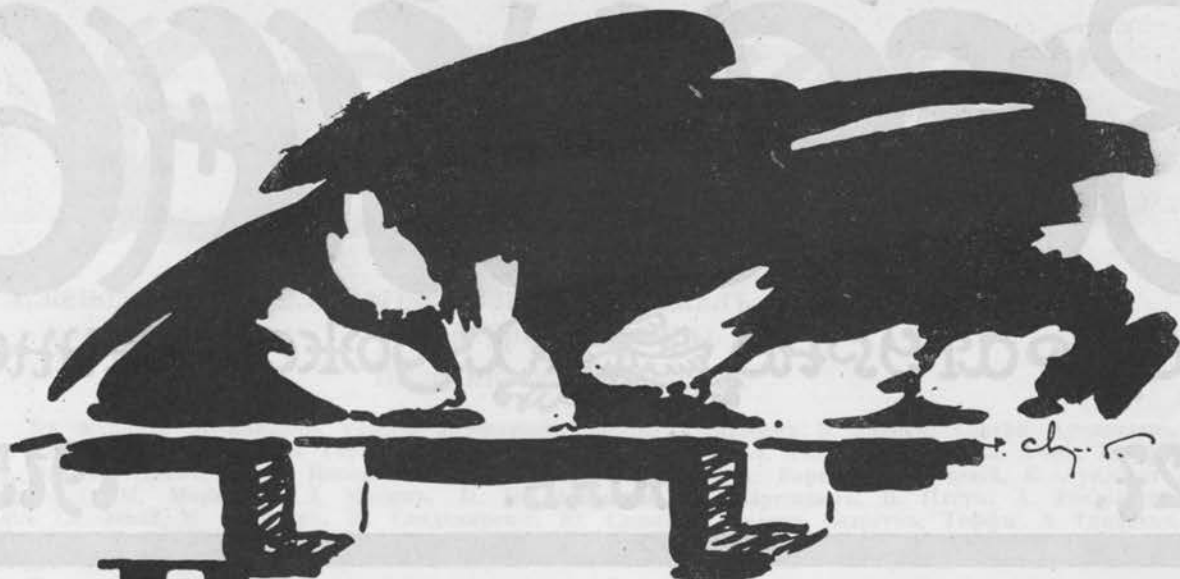
№ 27.

Юнь.

1915 г.

«Въ атаку».

Почта льонъ

Все вверхъ и внизъ, все вверхъ и внизъ,
Ну и житье—провались оно!..
Хорошо что еще голубямъ на карнизъ
Письма никѣмъ не написано...

Выучится грамотѣ всякій смердь,
Благо школы есть въ каждой волости,—
Сейчасъ бумагу, сейчасъ конвертъ
И ну настрачивать новости...
А новости то, новости далеко ушли!..
Только одно и пишется:
Отеллась корова, да денегъ шли,
Да Васька на хутора вышедцы..

Оттягиваетъ плечо тяжелый ягташь,
А въ немъ подстрѣленные птицы-вѣстницы;
То шестой, то третій, то пятый этажъ—
Всю жизнь лѣстницы и лѣстницы...
Одинъ былъ безъ лѣстницы деревянный домъ
Войдешь и думаешь: не на дачѣ-ли?..
Всего три ступени и вотъ на сломъ
Домъ назначили и уже ломать начали.
Но пусть вмѣсто него небоскребъ растетъ,
Пусть каменщикъ новыя ступени высѣчетъ—
Развѣ-же, Господи, я не тотъ,
Который каждый день ихъ проходить тысячи?
Все вверхъ и внизъ, на боку ягташь,
А въ немъ подстрѣленные птицы-вѣстницы,—
О пусть громоздится этажъ на этажъ
И холодныя ввинчиваются въ небо лѣстницы.
Только, Господи, не испытывай мою любовь!..
Тяжки твои испытанія,
Каждый разъ останавливается въ сердцѣ кровь
Когда почту несу горничной Тани я...
Милой моей Танѣ писать женихъ,
А не я-ли о ней думы думаю?
Ласковыя письма и каждое слово въ нихъ
На кручину писано, на бѣду мою...
Сегодня картинку-открытку шлеть:
Пылающее сердце съ незабудками...
А мое-то, а мое-то—развѣ ледъ
И не горитъ сутки за сутками?
Позвоню... загремитъ желѣзный крюкъ,
Увижу знакомое платье я...
И Таня приметъ изъ моихъ собственныхъ рукъ
Новый гвоздь для моего распятія...
Ахъ еще тяжелѣе на плечѣ ягташь,
А въ немъ подстрѣленные птицы-вѣстницы
Домъ за домомъ опять, за этажемъ этажъ,
Снова лѣстницы, лѣстницы и лѣстницы...

Валентинъ Горяскій.

Ф А Т Ь М А.

РАЗСКАЗЪ.

ой крейсеръ несетъ развѣдочную службу въ Архипелагѣ, а я скучаю: турки—настолько милые и предупредительные противники, что оставляютъ намъ слишкомъ много свободного времени. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, война совершенно не чувствуется. Сейчасъ я выходилъ на палубу: чудный вечеръ, теплый

и тихій, какіе въ осеннее время выдаются не часто даже на Средиземномъ морѣ. Вода неподвижна, какъ темно-зеленый малахитъ, отраженіе полного мѣсяца нѣжится въ ней золотымъ столбомъ, а съ береговъ Пароса, гдѣ мы стоимъ сейчасъ, несетъ такой головокружительный ароматъ, отъ котораго можно опьянѣть. Быть можетъ, древніе боги Греціи празднуютъ какой-нибудь пиръ сегодня въ его оливковыхъ рощахъ и слишкомъ щедро разливаютъ свою амброзію...

Я чувствую романическое настроеніе подъ влияніемъ окружающей обстановки и берусь за перо, чтобы разсказать одну исторію въ этомъ духѣ, случившуюся со мною. Я думаю о ней очень часто во время моихъ безсонныхъ ночей на стражѣ. Быть можетъ, скоро она перестанетъ волновать меня, но воспоминаніе объ этой исторіи будетъ, я знаю, еще не разъ возвращаться ко мнѣ. Какъ бы то ни было, такія вещи случаются не каждый день въ жизни.

Это было недавно, мѣсяць тому назадъ, во время военныхъ приготовленій Турціи, тянувшихся такъ долго и давшихъ такіе ничтожные результаты. Теперь я—морякъ, лейтенантъ и флагъ-офицеръ Его Превосходительства Контръ-Адмирала Мидльмарча, назначенный для командованія развѣдочнымъ крейсерскимъ отрядомъ; но въ то время я занималъ должность атташе великобританскаго посольства въ Константинополь. Я расстался съ этой должностью добровольно: лучше быть хорошимъ морякомъ, чѣмъ плохимъ дипломатомъ, а у меня есть основанія думать, что въ отвѣтственной роли чиновника Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, да еще въ Стамбулѣ, я врядъ-ли оказался на высотѣ призванія.

Великобританское посольство, какъ и всѣ другія, въ лѣтнее время помѣщается въ Тераніи, на европейскомъ берегу Босфора, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Перы; но казеннымъ помѣщеніемъ я не пользовался. Мой другъ Джамі-паша любезно предоставилъ въ мое полное распоряженіе принадлежавшую ему «Виллу розъ» въ Бейкосѣ,—очаровательный уголокъ, созданный для поэтического уединенія двухъ влюбленныхъ. Когда форты Дарданеллъ падутъ передъ союзниками и наши крейсеры войдутъ въ Босфоръ, я буду искать въ подзорную трубу на азиатскомъ берегу маленькій бѣлый домикъ съ плоской крышей и цвѣтными балконами-шахиширами, замаскированный дѣлою чащей дикихъ розъ, буду искать вѣковые кедры и уносящіяся въ небо гордые кипарисы парка, въ которомъ я провелъ много сладкихъ минутъ.

Утромъ, отправляясь на службу, я переплывалъ Босфоръ въ легкомъ каякѣ, летѣвшемъ какъ птица подъ ударами веселъ темно-бронзовыхъ каякджи, и

любовался дивною панорамой береговъ, смотрящихся въ благословенныя Пророкомъ воды. Возвращался я обыкновенно поздно, потому что обѣдалъ въ ресторанѣ въ Перѣ, а остальная часть вечера уходила на прогулки по улицамъ стараго Стамбула, котораго я не успѣлъ еще изучить какъ слѣдуетъ или на скитанія по веселымъ притонамъ квартала Абуль-Вефа, въ поискахъ сильныхъ ощущеній. Но такъ какъ эти послѣднія были довольно однообразны—вино, кальянъ, еврейскія и армянскія женщины въ разныхъ пропорціяхъ и соотношеніяхъ то, въ концѣ концовъ, меня потянуло въ иныя мѣста, болѣе культурныя и если и развращенныя, то на европейскій, а не на левантійскій ладъ.

Итакъ, въ тотъ вечеръ я очутился въ Turc-Hôtel. Мнѣ нравилось это мѣсто: во первыхъ, тамъ играетъ довольно приличный оркестръ, а во вторыхъ, въ его мраморныхъ залахъ можно любоваться молодотурецкими дамами высшаго общества, удивительно быстро усвоившими основные принципы эмансипаціи. Турчанки старѣются рано, какъ еврейки, но въ молодости онѣ очаровательны со своей матовой блѣдностью, изящными ручками и великолѣпными газельными глазами. Въ общемъ, мнѣ думается, не многія изъ этихъ красавицъ жалуютъ о томъ, что сбросили наконецъ свои чадры. Вѣдь это было такъ просто!

Мнѣ повезло: за сосѣднимъ столикомъ сидѣла какъ разъ такая красавица, показавшаяся мнѣ съ перваго взгляда самымъ законченнымъ и совершеннымъ типомъ турецкой женщины. Но уже въ слѣдующую минуту я началъ колебаться. Мнѣ приходилось долго жить въ Аѣнахъ, гдѣ я успѣлъ изучить въ совершенствѣ гречанокъ: несомнѣнно, въ моей красавицѣ было что-то греческое. Быть можетъ, она родомъ изъ Македоніи. Определить происхожденіе незнакомки по ея туалету было еще трудно и въ то же время легче легкаго: изящная mondaine съ Елисейскихъ полей, одѣтая по послѣдней модели Редферна. Оживленно болтая со своимъ кавалеромъ, сидѣвшимъ ко мнѣ спиной, красавица бросала въ мою сторону такіе краснорѣчивые взгляды, которые показались бы авансомъ даже далеко не самонадѣянному мужчине. Я уже обдумывалъ подходящее вступленіе, нѣсколько затруднившееся наличностью кавалера: мой дипломатическій постъ обязывалъ меня къ особой осторожности и не допускалъ и мысли о какомъ-либо недоразумѣніи, даже самомъ корректномъ—вплоть до обмѣна визитными карточками. Но въ этотъ моментъ мужчина повернулся въ профиль—я узналъ въ немъ совѣтника германскаго посольства, Рудольфа Генца.

Германецъ, разумѣется, долженъ быть моимъ врагомъ. Но, во-первыхъ, Генцъ повсюду говорилъ о своемъ швейцарскомъ происхожденіи, а во-вторыхъ, казался мнѣ на рѣдкость симпатичнымъ и теплымъ малымъ. Чортъ возьми, возможны же счастливыя исключенія, хотя бы среди нѣмцевъ. Притомъ здѣсь, на Востокѣ, мы были, прежде всего, представителями Европы, а это тоже кое-что значитъ, неправда ли. Избѣгая, по молчаливому взаимному соглашенію, разговоровъ на тему европейскихъ событій, мы съ Генцомъ ухитрялись оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ и, понятно, всего менѣе я сожалѣлъ объ этомъ сейчасъ.

— Чарли Бетфордъ! Вотъ пріятная встрѣча, мы только что говорили о васъ.

И, не ожидая моей просьбы, Генцъ представилъ меня своей дамѣ. Фамилію послѣдней мнѣ такъ и не удалось запомнить; я сомнѣваюсь даже, была-ли произнесена эта фамилія при представленіи, а потомъ, потому мы прекрасно обходились безъ нея. Но имя «Фатъма» показалось мнѣ очень красивымъ: оно такъ шло къ прелестной фигуркѣ моей новой знакомой. М-ше Фатъма говорила по французски такъ-же свободно и изящно, какъ носила свой парижскій туалетъ. Начался оживленный разговоръ, комплименты, любезности; шампанское искрилось передъ нами въ бокалахъ, оркестръ игралъ что-то волнующее и мечтательное,—и въ результатѣ наши ноги подъ столомъ встрѣтились—разумѣется, случайно... Въ этой милой странѣ такія вещи происходятъ чрезвычайно просто.

Дальше все было такъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ.

Я сталъ встрѣчаться съ Фатъмой все чаще; для этого стоило только пройти передъ заходомъ солнца по Большой улицѣ Перы. Увлечшись разговоромъ, мы переходили по мосту черезъ Золотой Рогъ и углублялись все дальше въ пустынные улицы турецкаго Стамбула, съ ихъ безмолвными домами, игрушечными мечетями и кладбищами, такими неожиданными среди большого города и такими поэтическими въ своемъ задумчивомъ зеленомъ покоѣ. Фатъма умѣла быть веселой и сентиментальной, остроумной и мечтательной, но прежде всего она неизмѣнно оставалась прелестной, прелестной настолько, что право извинительно было потерять голову отъ ея близости. Я и не замедлилъ это сдѣлать. Въ короткое время мы сблизились съ нею такъ, какъ будто знали другъ друга цѣлые мѣсяцы. Впрочемъ, это не совсѣмъ вѣрно: въ то время, какъ она могла изучитъ въ совершенствѣ всю мою біографію, я зналъ о ней только одно: подобныхъ глазъ мнѣ не приходилось встрѣчать ни въ одной странѣ стараго и новаго свѣта. Общественное положеніе, личная жизнь, даже происхожденіе моей волшебницы были такъ-же мало извѣстны мнѣ теперь, какъ и въ первый день нашего знакомства, да признаться, и мало меня интересовали. Плохо только то, что при такомъ отсутствіи любознательности я все-таки продолжалъ считать себя дипломатомъ...

Фатъма долго не рѣшалась посѣтить меня въ моемъ уголкѣ, но въ концѣ-концовъ я все-таки убѣдилъ ее сдѣлать это. «Вилла розъ» привела ее въ восхищеніе. Она восторгалась всѣмъ: моимъ паркомъ, дѣйствительно великолѣпнымъ, бібліотекой, репродукціями картинъ Беклина, коллекціей моихъ вѣровъ, оружія и въ особенности наргилэ, которыми я гордился не безъ основанія. Мнѣ удалось разыскать эти старинныя драгоценныя наргилэ, усыпанные драгоценными камнями, въ одной еврейской лавчонкѣ на старомъ базарѣ; это была настоящая рѣдкость, которой позавидовалъ бы, пожалуй, не одинъ музей въ Европѣ. Фатъма оцѣнила мои трубки, какъ знатокъ, съ перваго взгляда. Я предложилъ ей затанцевать: она отказывалась, но глаза ее заблестѣли отъ удовольствія, и борьба съ искушеніемъ была непродолжительной. Сидя на диванѣ рядомъ, мы курили молча, какъ настоящіе правовѣрные турки, а потомъ забыли весь міръ въ объятіяхъ другъ друга. Это было днемъ, около трехъ часовъ. Настала вечеръ, слуги спустили на окнахъ жалюзи изъ тонкихъ дощечекъ и зажгли старинныя бронзовыя лампы, а Фатъма все еще была у меня. Сидя за піанино, она играла мою любимую «Chant ge Signe» Сеиъ-Санса, играла превосходно, съ глубокимъ чув-

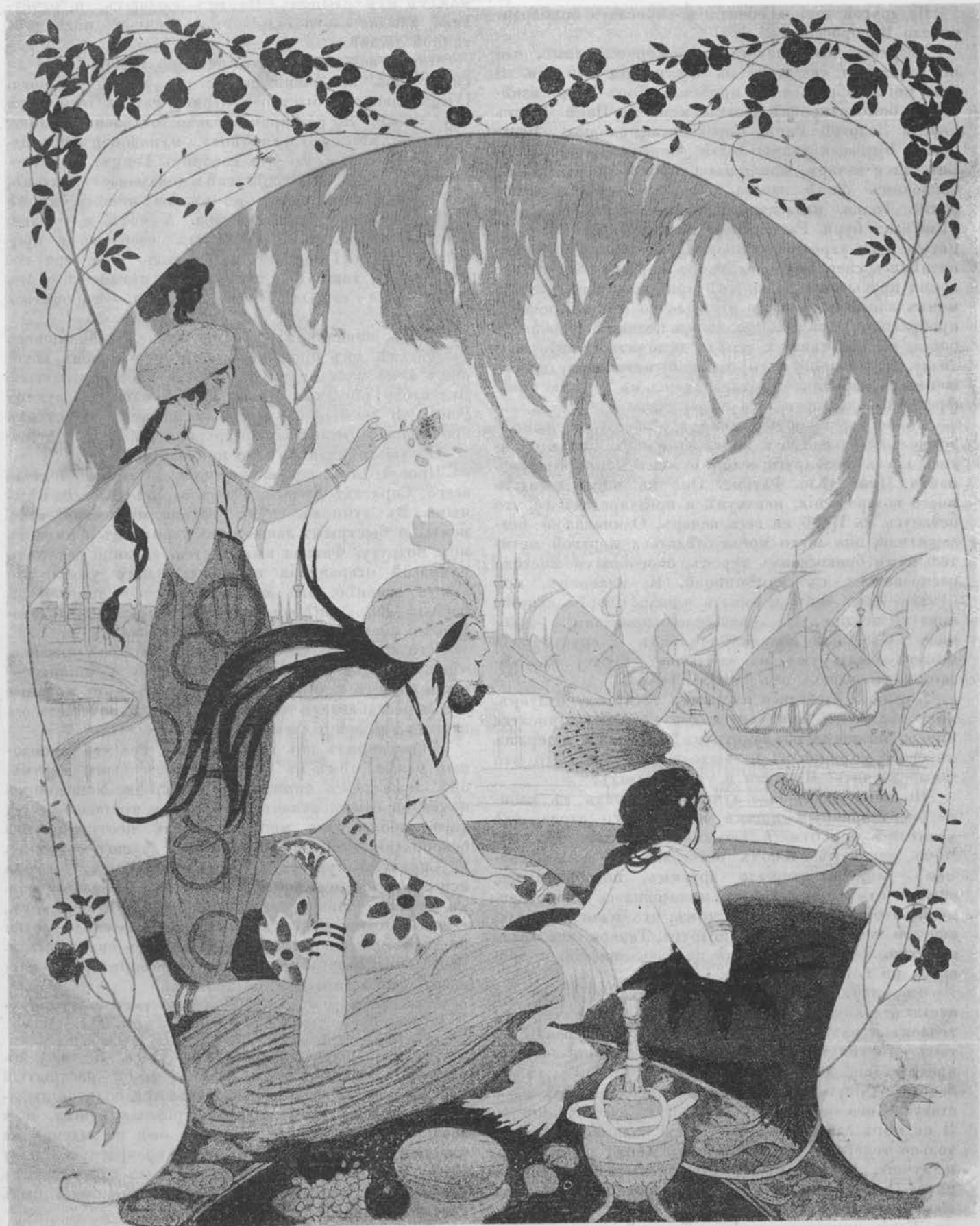
ствомъ. Я молча любовался ею: утомленная, блѣдная, съ благородной шеей, высоко поднимавшей прелестную головку надъ покрывавшимъ ее плечи голубымъ атласомъ, она сама походила на прекраснаго лебеда, поющаго свою прощальную пѣсню надъ родными водами...

Эту ночь она провела у меня, а къ вечеру слѣдующаго дня перебралась ко мнѣ окончательно. Такъ начался нашъ медовый мѣсяцъ—самый сладкій изъ всѣхъ, которые мнѣ приходилось переживать когда-либо. Фатъма любила меня глубоко и безкорыстно, какъ настоящая южанка, забывъ все на свѣтѣ, бросившись въ омутъ своей страсти очертя голову. Я зналъ до нея много женщинъ. Не менѣе, чѣмъ Маркиза де-Корневиль, меня дарили своей благосклонностью и холодныя сентиментальныя англичанки, и французенки, испорченныя какъ лежалая дичь, особливо цѣнимая знатоками, и испанки, у которыхъ дня не проходитъ безъ слезъ и трагедій и прочія, имена которыхъ я позабылъ давно. Но такой искренней, глубокой любви, трогательной и почти забавной въ своей непосредственности я не встрѣчалъ никогда до сихъ поръ—и пожалуй ужъ никогда не встрѣчу, какъ это ни грустно. Въ моей памяти надолго останутся наши прогулки при лунѣ по старому парку «Виллы розъ», въ вѣковому тѣнистому парку, въ лабиринтѣ аллеи котораго, казалось, еще бродятъ призраки невѣрныхъ женъ и ихъ палачей—евнуховъ, дикому парку, разросшемуся, какъ лѣсъ, на свободѣ. А ночныя поѣздки по Босфору, когда какъ, въ которомъ мы были только вдвоемъ, засыпалъ посреди искрящейся серебромъ и золотомъ зыби и бархатный, голосъ Фатъмы уносился вдаль, соперничая съ соловьями въ кипарисовыхъ чащахъ Бевкоса. Иногда мы предпринимали и болѣе отдаленныя экскурсіи по морю. Наша яхта, легкая и бѣлая какъ мечта, неслышно скользила вдоль береговъ; лиловыя горы, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ, поднимались точно исполнскіе букеты сирени изъ вѣнковъ темной зелени, въ которой бѣлыя прибрежныя виллы и деревни казались скромными полевыми цвѣтами. Въ Стамбулѣ мы цѣлые часы проводили среди могилъ гостепріимнаго кладбища за Адрианопольскими воротами, гдѣ мраморныя разноцвѣтныя памятники, испещренныя золотыми буквами, благосклонно смотрѣли на насъ изъ подъ нависшихъ вѣтвей ивъ и кедровъ. Аллахъ велѣлъ мертвымъ мирно покоиться подъ землей и живымъ наслаждаться любовью и солнцемъ—ни тѣ, ни другіе не должны завидовать другъ другу...

Между тѣмъ, тучи на политическомъ горизонтѣ сгущались. Отряды солдатъ, оборванныхъ и жалкихъ, торжественно дефилировавшіе по улицамъ подъ командой германскихъ офицеровъ, не казались мнѣ особенно грозными, но все-же было несомнѣнно, что эти маршировки не сводятся къ простому параду. Шифрованныя телеграммы, ежедневно осаждавшія мой письменный столъ въ количествѣ, напоминавшемъ наводненіе, еще болѣе располагали къ пессимизму. Какъ разъ въ это время мнѣ была поручена одна секретная работа, очень отвѣтственная; чрезвычайно лестное довѣріе къ молодому атташе, скорѣе всего объяснимое недостаткомъ рабочихъ рукъ въ посольствѣ, штатъ котораго сильно порѣдѣлъ съ объявленіемъ войны Германіи. Впервые за три недѣли моей дружбы съ Фатъмой мнѣ пришлось заперать отъ нея мой столъ и работать украдкой, когда она гуляла или спала. Ее глаза, прекрасныя и любимыя, правда, но все-же глаза турчанки, не должны были видѣть даже черновыхъ листовъ моего рапорта.

Все это время мои отношения съ Рудольфомъ Генцомъ оставались прежними. Иногда онъ даже навѣщалъ насъ, причемъ держалъ себя съ Фатьмой какъ старый знакомый. Я не ревновалъ: турецкія женщины не знаютъ слова «сизмъна»; такъ по крайней мѣрѣ, говоритъ Пьеръ Лоти, и я ему вѣрилъ.

Къ тому-же, мнѣ было хорошо извѣстно, что Генцу не хватаетъ времени и для интригъ въ Перѣ, чтобы заводить себѣ еще новыя—въ Бейкосѣ. Однажды, возвратившись изъ посольства, я засталъ его въ гостиниѣ съ Фатьмой. Они разговаривали въ сильно приподнятомъ тонѣ, но мое появленіе нисколько не

На Востокъ VII вѣковъ тому назадъ. (Эскадра Людовика Святого.)

Рис. Гидо.

охладило Генца, и съ тѣмъ-же жаромъ онъ сталъ доказывать мнѣ, что Турція не сегодня-завтра объявитъ войну Россіи, а стало быть и союзникамъ— онъ пришелъ предупредить меня объ этомъ. Фатъма сидѣла съ видомъ приговоренной къ смерти, но это было понятно: вѣдь война грозила намъ разлукой...

На другой день «Гебенъ» и «Бреслау» бомбардировали Новороссійскъ.

Увертюра была начата въ мажорномъ тонѣ, что не замедлило сказаться на настроеніи публики. Я едва могъ добраться до пристани Топъ-Ханъ: извѣстіе о бомбардировкѣ застало меня въ Перѣ. Мостъ черезъ Золотой Рогъ, Каракейская площадь, Большая и Брусская улицы были запружены народомъ. Спускался вечеръ, минареты Стамбула рисовались на багровомъ фонѣ заката острыми безчисленныхъ копій. Толпа, наэлектризованная, опяившаяся, ревѣла какъ буря. Раздавались возгласы ярости, поднятыя руки угрожающе колебались въ воздухѣ, всюду видѣлись сверкающіе глаза. Въ первый разъ за все время пребывания здѣсь мнѣ пришлось вспомнить о моихъ кавасахъ, но ихъ не было со мною. Кое-какъ пробравшись, при помощи своихъ познаній въ области бокса, къ пристани, я успѣлъ вскочить въ моторную лодку, въ которой подъ охраной матросовъ, вооруженныхъ карабинами, отправлялись въ Терапію чины французскаго и русскаго посольствъ.

Но по дорогѣ я перемѣнилъ рѣшеніе. Въ концѣ-концовъ, посольство и я отлично могли пока обойтись другъ безъ друга; если я нуженъ, меня съумѣютъ найти. Иное дѣло Фатъма. Она не могла ожидать моего возвращенія: наканунѣ я предупредилъ ее, что останусь въ Перѣ на весь вечеръ. Одинокая и беззащитная, она легко могла сдѣлаться жертвой мстительности беикосскихъ турокъ, способныхъ жестоко расправиться съ измѣнницей. И, наконецъ, мои бумаги—какъ могъ я забыть о нихъ! Скорѣе, скорѣе, пока не поздно... На Терапійской пристани я вскочилъ въ первый попавшійся каякъ и спустя пять минутъ былъ уже на азиатскомъ берегу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ «Виллы розъ».

Комнаты оказались пустыми. Гостиная, будуаръ, моя библиотека—нигдѣ ни слѣда Фатъмы. Прислуга ничего не могла объяснить мнѣ: госпожа заперлась въ своей комнатѣ и не выходила оттуда. Что это могло значить? Неужели я уже опоздалъ?

Но меня ждалъ еще лучшій сюрпризъ въ кабинетѣ: отворенный ящикъ письменнаго стола, гдѣ хранились мои бумаги, сегодня еще болѣе важныя, чѣмъ наканунѣ. Ключъ оставался въ моемъ карманѣ—ящикъ открыли другимъ, подобраннымъ, или же отмычкой. Мнѣ не понадобилось много времени, чтобы убѣдиться въ томъ, что бумаги исчезли, исчезли также, какъ моя подруга. Теперь все было понятно. Не теряя времени на размышленія, я бросился на поиски бѣглянки.

Въ глубинѣ парка была бесѣдка, скрытая въ кустахъ дикихъ розъ. Фатъма очень любила этотъ уголокъ и часто, возвращаясь домой, я находилъ ее тамъ. Инстинктивно я посѣдилъ именно сюда, и предчувствіе меня не обмануло. Фатъма была въ бесѣдкѣ, закутанная въ вуаль, неподвижная, какъ статуя. Кого она ждала? Во всякомъ случаѣ, не меня. Я не могъ сдѣлать ни шагу отъ волненія, которое только теперь начало овладѣвать мною, да это было и лучше. Густые кусты скрывали меня, ни одна вѣтка не хрустнула подъ моей ногой. Я рѣшилъ ждать, что будетъ дальше.

Ждать пришлось недолго. Темный силуэтъ мужчины показался на аллѣ, скупо освѣщенной луной,

сіянье которой едва пробивалось сквозь осеннюю листву, еще густую, какъ лѣтомъ. Ба! Да вѣдь это Генцъ, баронъ Рудольфъ фонъ-Генцъ, совѣтникъ германскаго посольства и мой пріятель. Великолѣпно! Генцъ, Фатъма и мои бумаги... Старые друзья сошлись опять, несомнѣнно, они будутъ говорить съ полной откровенностью, увѣренные что никто здѣсь не можетъ ихъ слышать. Но ихъ слышать, и отчетливо; каждое слово долетаетъ до меня въ моей цѣлѣточной засадѣ.

Чортъ возьми, они говорятъ по турецки, а я до сихъ поръ не очень силенъ въ языкѣ Пророка. Генцъ говоритъ быстро и бурно, Фатъма отвѣчаетъ ему также. Я разбираю только отдѣльные слова: «деньги»... «позоръ»... «измѣна»... и, наконецъ, послѣднее: «онъ убѣжалъ». Это говоритъ Генцъ; понятно, онъ увѣренъ въ моемъ бѣгствѣ и доказываетъ Фатъмѣ, что мои бумаги теперь не нужны никому, кромѣ турецкаго генеральнаго штаба. А вотъ и бумаги: Фатъма вынимаетъ изъ-за корсажа свертокъ и протягиваетъ его Генцу, но не отдаетъ. Она еще колеблется. Я тоже. Генцъ стоитъ въ пяти шагахъ отъ меня, а я стрѣляю безъ промаха,—торопиться незначѣтъ.

Генцъ, повидимому, думаетъ иначе. Наклонившись къ Фатъмѣ, онъ произноситъ нѣсколько словъ, которыхъ я не могу не только понять, но и разслышать. Эти слова рѣшаютъ дѣло. Мои бумаги въ рукахъ Генца. Я неслышно перевожу патронъ въ стволъ браунинга и открываю предохранитель...

Но выстрѣлить мнѣ не приходится.

Происходитъ сцена, которой я ждалъ меньше всего. Спрятавъ бумаги, Генцъ вдругъ дѣлается нѣжнымъ. Въ лунномъ свѣтѣ Фатъма прелестна, какъ мечта, и быстрымъ движеніемъ германецъ обнимаетъ мою подругу. Фатъма вырывается, ея лицо искажено гримасой отвращенія и неподдѣльнаго ужаса. В Генцѣ сильнѣе; онъ одолеваетъ ее и тащитъ въ бесѣдку. Въ концѣ-концовъ, это только послѣдовательно: сначала грабежъ, потомъ насиліе...

Что это? Короткое восклицаніе—скорѣе удивленія чѣмъ боли. Генцъ выпускаетъ Фатъму и, пошатнувшись падаетъ навзничъ на ступени. Въ тотъ же мигъ она перескакиваетъ черезъ его тѣло и исчезаетъ въ кустахъ, по направленію къ берегу.

Я выскочилъ изъ своей засады. Все это произошло менѣе, чѣмъ въ минуту. Генцъ былъ мертвъ: онъ лежалъ съ кинжаломъ въ груди, вошедшимъ почти по самую рукоятку: женщина, предавшая того кого любила, не могла оставить неотмщеннымъ оскорбленія этой любви объятіями другого мужчины.

Спрятавъ бумаги, я бросился за ней, но она исчезла. Густыя заросли кипарисовъ и бука ведутъ къ берегу; внизу, подъ нависшими вѣтвями негустой сталью блеститъ Босфоръ. Ни слѣда лодки на всемъ протяженіи, которое можетъ видѣть глазъ. Но по темной водѣ расходятся зловѣщіе круги, расходятся все шире, все медленнѣе...

Или, можетъ быть, мнѣ только такъ кажется?

Все это прошло, прошло какъ сонъ. Я сижу тѣсной каютѣ крейсера, передо мной раскрытъ иллюминаторъ, въ который вливается соленое дымящее море; надъ моей головой грозныя пушки, и знаю, что если это будетъ нужно онѣ не задумаютъ смести съ лица земли мою милую прекрасную «Виллу Розъ», въ вѣковомъ паркѣ которой такъ часто гостила теперь моя душа. Пусть! Моряку неприлично быть сентиментальнымъ.

Я думаю сейчасъ о томъ, какъ поступила бы мѣстѣ Фатъмы другая женщина,—европейская и ку

турная. Разумѣется, она не предала бы меня. Въдѣ наши подруги такъ глубоко понимаютъ слово «долгъ», неправда-ли? Къ тому-же, имъ отлично извѣстно значеніе секретныхъ дипломатическихъ бумагъ. Но развѣ рѣшившись на такое предательство, европейская женщина—я увѣренъ въ этомъ—не стала бы убивать за одинъ подвѣлуй, сорванный съ ея губъ красивымъ мужчиной во мракѣ, среди благоухающихъ розъ. Фатъма, наивная дикарка въ парижскомъ туалетѣ, поступила наоборотъ. Она предала меня въ томъ, чего не понимала,—предала, быть можетъ, не безъ тяжелой борьбы, уступивъ угрозамъ или обману. Но въ жертву своей любви ко мнѣ, своей вѣрности, она

принесла все что могла, отомстивъ оскорбителю смертью и смертью-же искупивъ свое преступленіе. И теперь, въ эту дивную ночь, когда луна такъ задумчиво смотрится въ зеркало Архипелага и съ береговъ несетъ такой волнующій ароматъ, я не могу быть ея судьей, неумолимымъ и строгимъ. Она предала меня, но она любила меня больше жизни.

Я отъ всей души прощаю ей первое, а за второе благословляю ея память и ея вѣчный сонъ въ тихихъ водахъ Босфора.

Спи спокойно, милая Фатъма! да будетъ Аллахъ милосердъ къ тебѣ...

Георгій Павловъ.

ЛѢСНАЯ МОГИЛА.

Въ глухомъ лѣсу, вблизи дороги,
Стоить забытая могила.
Крестъ покосившійся, убогій,
Ничья рука не подновила.

Лишь воронъ надъ могилой кружить
Одинъ, печальный и нѣмой,
Одинъ онъ надъ могилой тужить
Въ глуши заброшенной лѣсной.

Никто слезы надъ ней горючей
Не проливалъ, въ тоскѣ рыдая,
Лишь вѣтеръ холодно-пѣвучій
Ее овѣтъ, пролетая.

Кто схороненъ—никто не знаетъ,
Когда—забыто все молвой,
А тайну крѣпко берегаетъ
Крестъ надъ могилою лѣсной.

Сергій Апановъ.

НАТОЧКА.

Саха безнадежно влюбленъ въ Наточку.
 Саха—гимназистъ восьмого класса, большой, съ рыжими, шетинистыми усами и хмурымъ взглядомъ.
 Саха не идетъ гимназическая форма: онъ слишкомъ грузенъ, плечистъ и неловокъ.
 Руки у него всегда въ карманахъ, ходитъ онъ слегка согбившись и раскачивая на ходу свой массивный атлетическій корпусъ.
 По правдѣ сказать, Саха мнѣ не нравится: онъ слишкомъ безличенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ авторитетенъ.
 На людей со скверной мускулатурой онъ смотритъ презрительно.
 Саха не уменъ, но нравится многимъ: его называютъ здоровымъ, уравновѣшеннымъ юношей.
 Дачныя барышни увлекаются Сахой, но Саха почему-то влюбленъ въ Наточку.

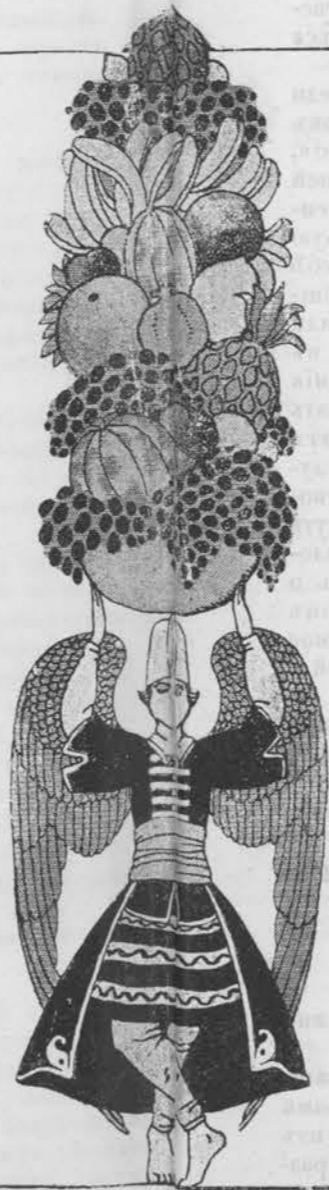
Въ маленькую, изящную Наточку, совершенно не похожую на него.
 Въ Наточку, которая по ошибкѣ родилась въ нашъ тяжелый, грубый вѣкъ.
 Наточкѣ нужно было-бы жить въ эпоху романтизма. Вся она хрупкая, мечтательная, съ голосомъ тоскующими и вѣжными.
 Конечно, Наточка не можетъ полюбить Саху: Наточкѣ нужна сказка, а не образцовая мускулатура Сахи.
 Но мнѣ жаль Саху.
 Его ограниченный, тупой умъ мучительно ищетъ причину, почему онъ, Саха, не нравится Наточкѣ.
 Мнѣ больно смотрѣть, какъ этотъ богатырь подыскиваетъ темы для разговора съ Натой.

Лицо его краснѣетъ, дѣлается еще болѣе тупымъ и капли крупнаго пота застываютъ на лбу.
 Меня Саха не любитъ.
 Не любить, потому что я нравлюсь Наточкѣ.
 Иногда мнѣ становится грустно, что у меня старая, истрепанная душа, что я не могу влюбиться въ Наточку, какъ влюблялся когда-то въ другихъ дѣвушекъ.
 Иногда мнѣ становится тяжело, что я такъ старъ.
 Какое было-бы счастье поцѣловать маленькую Наточку, побродить съ ней по тихимъ аллеямъ, помечтать, погрузить и сдѣлаться чище отъ ласковыхъ прикосновеній ея глазъ.
 Саха не любитъ меня.
 При встрѣчахъ со мной онъ тяжело дышетъ, еще

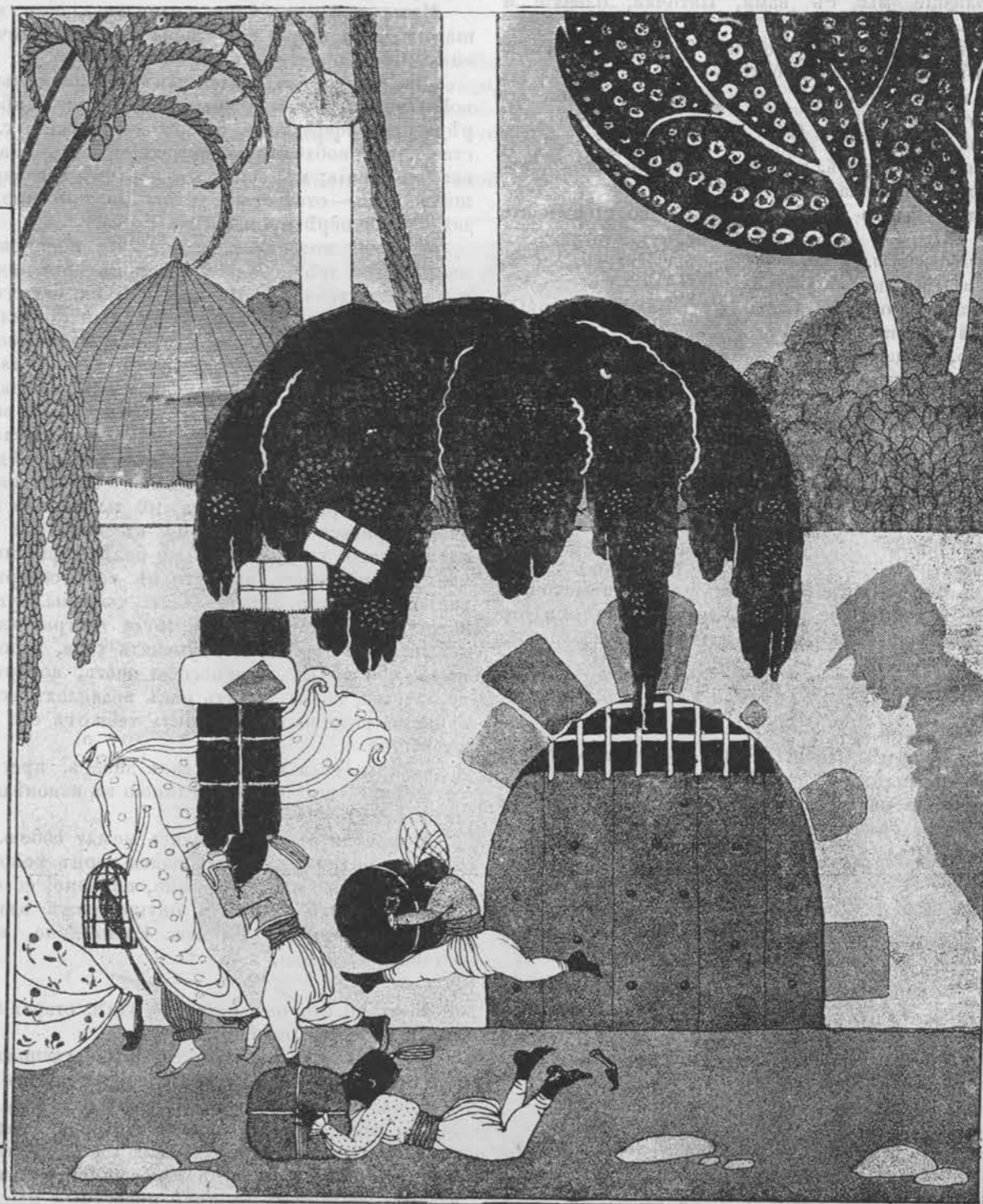
больше согбливается и бросаетъ на меня сердитые, злобшіе взгляды.
 Глупый Саха, онъ не понимаетъ, что я совсемъ не посягаю на Наточку.
 Теперь свѣтлая ночь.
 Кружевные облака причудливо окутываютъ небо и луна затѣйливо сплетаетъ лучи на росистой травѣ.
 Въ этотъ вечеръ я сидѣлъ надъ озеромъ.
 Сидѣлъ, опустилъ голову на руки и задумался.
 О чемъ—не знаю самъ.
 Должно быть о смерти.
 Я всегда думаю о ней, когда я одинъ.
 Смерть представляется мнѣ то безгранной тоской, неизбывнымъ ужасомъ, то свѣтлымъ праздникомъ, пробужденіемъ отъ тяжелаго сна.

Май 1914 г.

Турецкі паши.

Май 1915 г.

Иногда я думаю о томъ, кто будетъ приходить и грустить надъ моей могилой.

Думаю и чувствую, что никто не придетъ.

Отъ этой мысли становится грустно, до боли жутко и тонкій, острый холодокъ пробѣгаетъ по спинѣ.

Такъ и въ этотъ вечеръ—я сидѣлъ и задумался.

Вдругъ чьи-то руки, легкія и тонкія, легли на мои плечи.

Я вздрогнулъ и на мгновение подумалъ, что это мнѣ снится.

И только когда поднялъ голову, то увидѣлъ совсѣмъ близко отъ себя темные глаза Наточки, тоскующіе и мечтательные.

— Милый, простите... грустно стало... я пришла въ вамъ...

Погладилъ длинныя хрупкія руки Наточки и почувствовалъ, какъ къ горлу подкатился клубокъ и глаза стали влажными.

— Близкіе мы съ вами, Наточка, близкіе и одинокіе...

Трепетно и свято и особенно-благостно слились наши губы въ долгій поцѣлуй.

Вспыхнулъ поцѣлуй, прозвенѣлъ и погасъ въ чуткой тишинѣ ночи.

Молчали.

Я боялся говорить, потому-что горло давилъ клубокъ и хотѣлось плакать.

И было стыдно плакать, было сладко сдерживать слезы.

Наточка застыла, замерла въ тоскѣ своей любви, въ тихомъ счастьи.

Хорошо было, какъ бываетъ только въ первые дни юной любви.

Ночью, когда я расстался съ Наточкой и укладывалъ вещи въ чемоданъ, крупныя, радостныя слезы падали на полъ изъ моихъ глазъ.

Я не хотѣлъ оставаться здѣсь.

Зачѣмъ?..

Вѣдь я не смогу дать счастья Наточкѣ, того счастья, которое даетъ только молодость, вѣдь я не смогу убѣдить Саху, что я не отнимаю у него любовь Наточки.

Я уѣду.

Когда-нибудь, когда не будетъ здѣсь ни Наточки, ни Сахи, я вернусь и буду въ лунныя ночи сидѣть надъ озеромъ, вспоминая о случайномъ, ласковомъ счастьи.

А теперь я уѣду.

Куда?

Не все равно-ли?

Бродягѣ вездѣ найдется мѣсто—въ городѣ, въ деревнѣ, въ полѣ.

Грустить и мечтать можно вездѣ, а у меня вѣдь ничего нѣтъ, кромѣ чемодана и старой, истрепанной души.

Юрій Zubовскій.

ИСПОВѢДЬ.

ЛЕО ШАРАДЪ.

тоя на колѣняхъ, со скрещенными на груди руками, сестра Евангелина умолкла, сказавъ все или не желая ничего больше сказать.

Смиренно, какъ бы надломленная, она ниже опустила голову. Ей казалось, что съ потолка, съ выбѣленныхъ известкой стѣнъ струится и сковываетъ ее леденящій холодъ. Дрожь пробѣжала по ея тѣлу въ то время, какъ сидящія кругомъ сестры испытующе въ нее всматривались.

Мать настоятельница поднялась среди воцарившагося молчанія, и всѣ взоры съ сосредоточеннымъ вниманіемъ обратились къ ней.

Она заговорила медленнымъ, однообразнымъ, спокойнымъ и безжизненнымъ голосомъ, ибо такая рѣчь безъ эффектовъ, безъ подчеркиванія словъ, составляетъ необходимую принадлежность благочестиваго смиренія; въ монастырѣ—этомъ кладбищѣ угасшихъ душъ—отсутствие жизни должно проявляться даже въ манерѣ произносить слова.

— Дочь моя, сказала она, ты новичокъ среди насъ. Всего двѣ недѣли прошли съ тѣхъ поръ, какъ я привезла тебя изъ Новиціата. Тебя, безъ сомнѣнія, посвятили тамъ во всѣ священныя правила нашей жизни, и ты понимаешь, что только что совершенный тобою обрядъ представляетъ собою смигновенную форму публичной исповѣди первыхъ христіанъ. Тебѣ пришлось повиниться передъ нами только во вишнихъ прегрѣшеніяхъ. Если же ты въ мысляхъ или побужденіяхъ согрѣшила, то должна исповѣдаться въ этомъ духовнику. Совершенныя тобою нарушенія устава не серьезны; но отнынѣ ты должна избѣгать ихъ. Боротся съ дьяволомъ въ мелочахъ значитъ мѣшать его ухищреніямъ въ болѣе серьезныхъ случаяхъ, да и вообще, на пути къ самоусовершенствованію все важно. Можетъ быть, ты забыла упомянуть какое-нибудь прегрѣшеніе, тогда сестры изъ милосердія, а не изъ желанія унижить тебя, напомнятъ о немъ, ибо указать на способы врага, которыми онъ пользуется, чтобы застать насъ врасплохъ, есть самое лучшее средство предохранить тебя отъ его козней и хитростей.

Сестры, если кто изъ васъ знаетъ, прегрѣшеніе, упущенное сестрою Евангелиною въ исповѣди, пускай подниметъ руку.

Монахини переглядывались между собою. Ни одна рука не поднялась. Послышался звонъ колокола.

— Сестры, идите скромно, попарно, со скрещенными на груди руками и опущеннымъ взоромъ во дворъ рекреаций... Ты же, Евангелина, встань и останься со мною.

Какъ только онѣ остались однѣ, старая монахиня подошла къ молодой.

— Дочь моя, дорогая, ты подвергаешься страшной опасности. Я не хотѣла говорить передъ сестрами изъ боязни смутить ихъ, но необходимо вырвать изъ твоего сердца сорную траву, которая грозитъ развиться въ немъ. Я подмѣтила въ тебѣ любовь къ міру, которая, не будучи подавленной, подобно плеведамъ, заглушитъ въ тебѣ праведныя мысли и бла-

городную рѣшимость. Ты обнаруживаешь разсѣянность во время молитвы; недостаточно сосредоточиваешь свою мысль на Богѣ, потому что слишком много думаешь о мѣрѣ, т.-е. о дьяволѣ. «Мѣръ есть обложенный въ платѣ дьяволъ», говорила святая основательница нашей обители преподобная Луиза де-Фермонтъ.

Чтобы искутить тебя и втянуть въ бездну, этотъ мѣръ воплотилъ для тебя въ увлекательномъ образѣ молодого человѣка, со жгучими глазами и живой рѣчью, какъ живо всякое искушеніе, потому что дьяволъ олицетвореніе жи.

— Ахъ! матушка... воскликнула сестра Евангелина, и глаза ея наполнились слезами.

— Да я, какъ мать, люблю тебя и хочу спасти отъ опасности. Довѣрься мнѣ, расскажи, что говорилъ тебѣ этотъ молодой человѣкъ, съ которымъ ты такъ оживленно бесѣдовала, пользуясь тѣмъ, что меня отѣснили отъ тебя въ другой конецъ отдѣленія.

Но монахиня плача, повторяла только.

— Грѣшна я, матушка! Не смѣю, не смѣю...

— Ну, дитя мое, соберись съ духомъ... Что?.. Не можешь?.. Ну ладно! послушай. Я, настоятельница, подамъ тебѣ примѣръ и расскажу тебѣ фактъ, подобный тому, который ты должна мнѣ повѣдать, это придастъ тебѣ мужество.

Легкая краска покрыла морщинистое лицо сѣдой

старухи. Въ глазахъ ея зажглось отраженіе жизни. Она начала.

Я была тогда очень молода и, какъ говорили, хороша собою. Когда мы проходили по улицамъ маленькаго городка, мое случайное отраженіе въ какомъ-нибудь магазинномъ зеркалѣ нравилось мнѣ. Однажды, во время переѣзда въ дилижансѣ—тогда еще не было желѣзныхъ дорогъ—сидѣвшій противъ меня молодой человѣкъ мягкимъ голосомъ заговорилъ со мною. Онъ сказалъ, что погода такъ хороша, что солнце такъ ярко свѣтитъ, на что я отвѣтила, что надо благодарить за это Отца небеснаго.

Онъ промолчалъ, затѣмъ заявилъ, что становится слишкомъ жарко, а я замѣтила, что на то воля Божья.

Не знаю почему, но его тонкое и нѣсколько грустное лицо, граціозныя движенія и мягкій голосъ дѣйствовали на меня чарующимъ образомъ.

Когда онъ снова замолчалъ, я возобновила разговоръ и высказала мысль, что безъ любви къ Богу, жизнь была бы невыносима.

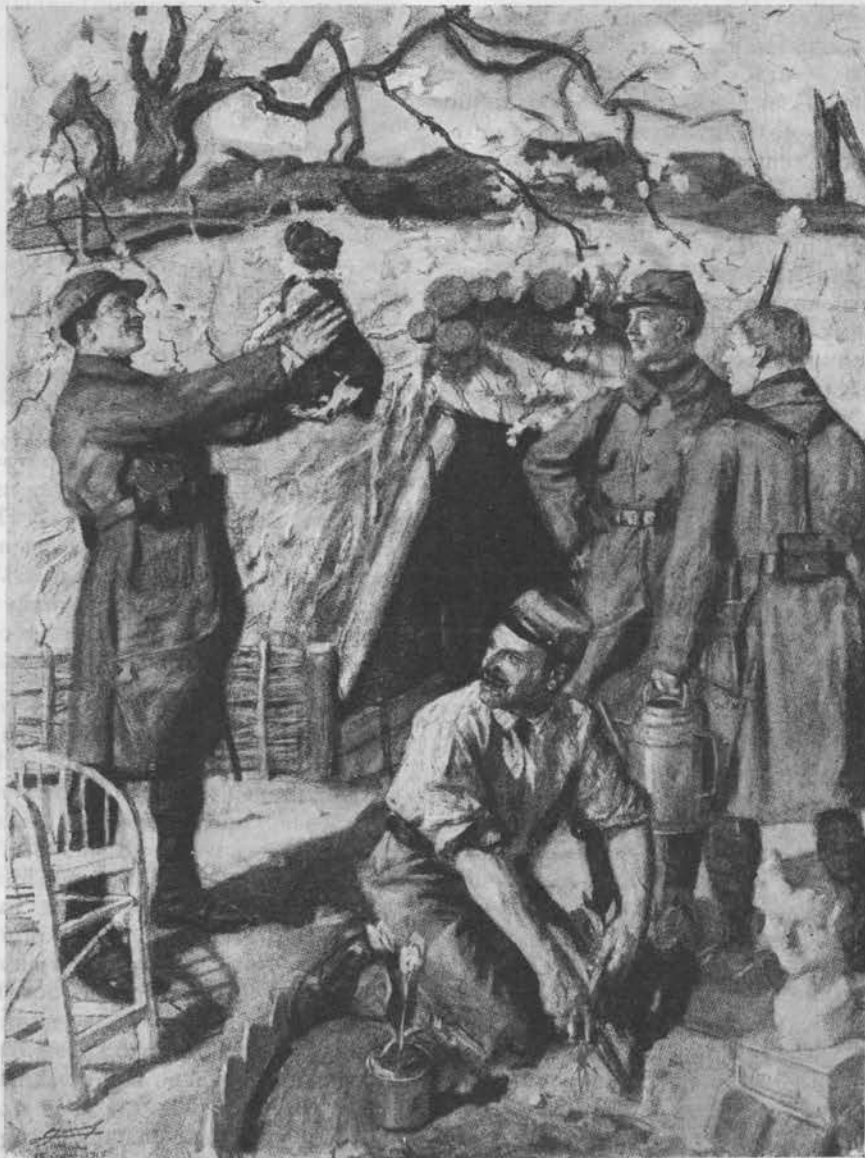
— Особенно въ монастырѣ,—прервалъ онъ меня съ улыбкою, которая мнѣ не понравилась.

— Почему вы знаете!

— Я два года провелъ въ монастырѣ.

— И вы порвали священныя узы! Забыли вѣчные обѣты!

Несчастный гордецъ отвѣтилъ.

Весна въ траншеяхъ.

— Такъ нужно было. У меня явилась потребность жить настоящей дѣятельной жизнью. Я исполнилъ свой долгъ. Не для того Богъ создалъ меня, вложивъ великія творческія силы, чтобы я, похоронилъ ихъ въ монастырѣ. Зажегши свѣтъ знанія и мысли, Господь хочетъ, чтобы онъ горѣлъ, не спрятанный подъ спудомъ.

Эти ужасныя рѣчи казались мнѣ привлекательными. Меня искушало желаніе подражать этому бунтовщику. Гордыня подсказывала мнѣ, что и я одарена свойствами, которыя слѣдуетъ проявить, и что я не имѣю права непроизводительно растратить ихъ во мракѣ монастыря.

Но какъ уйти изъ него?

— Это очень трудно!—вырвалось у меня въ отвѣтъ на мои мысли, а не на его слова.

— Нѣтъ ничего труднаго,—воскликнулъ онъ,—когда приходится исполнять долгъ, когда нужно отвоевать свою личность и свободу.

Я толкнула его колѣномъ, прошептала:

— Тише!. Настоятельница, хотя и глуховата, но она всячески старается подслушать насъ.

О, дитя мое, какъ я стыжусь теперь, вспоминая свой грѣхъ. Я была за одно съ врагомъ Божьимъ. Мое колѣно прижималось къ колѣну мужчины.

Меня захлестнула горячая волна загорѣвшейся въ жилахъ крови. Я была ужасно и, увы! такъ сладостно взволнована!

А онъ глядѣлъ на меня, какъ бы въ экстазѣ, призывая къ моему мужеству. По его словамъ, у меня были слишкомъ живые глаза и умъ, чтобы оставаться долге среди уродливыхъ, старыхъ монахинь.

Словомъ, дитя мое, рассказать ли тебѣ подробно весь мой тяжкій грѣхъ? Да, такъ нужно, оно побудить тебя покаяться въ своемъ болѣе легкомъ прегрѣшеніи.

Объясняясь мнѣ въ любви, жалкій льстецъ вырвалъ у меня обѣщаніе покинуть монастырь и выйти за него замужъ. Черезъ нѣсколько дней онъ долженъ былъ явиться, чтобы похитить меня. Я настолько увлеклась, что дала ему необходимыя указанія, и онъ увѣрялъ, что достаточно ловокъ, чтобы перелѣзть черезъ высокую ограду.

Въ назначенный день и часъ мнѣ удалось нѣкимъ незамѣченной ускользнуть изъ дортуара, и долго я поджидала его въ саду у ограды. Изнемогая отъ волненія, я присѣла. Меня била лихорадка; тоска давила грудь. Я не знала чего желать, чего бояться.

Жаль было мнѣ тихой жизни въ святой обители; но вмѣстѣ съ тѣмъ меня пугала мысль, что молодой человѣкъ, можетъ быть, забылъ меня или отказался отъ опаснаго предпріятія.

Вся дрожа, я выпрямлялась и прислушивалась. Послышался шорохъ, словно по стѣнѣ карабкался ловкій звѣрекъ.

Знакомый голосъ спросилъ:

— Вы тутъ?

— Да, отвѣтила я, задыхаясь отъ страха и радостнаго возбужденія. Я измѣряла глазами высоту стѣны, ожидая каждую минуту увидѣть въ ночной темнотѣ голову отважнаго, любимаго человѣка.

— Стѣна выше чѣмъ я думалъ, лѣстница коротка, жаловался онъ.

— О скорѣй, скорѣй, я люблю васъ,—отвѣчала я ему невпопадъ, а дальше молила:

— Уходите, прошу васъ. Откажитесь отъ преступнаго дѣла. Сжальтесь надо мною; подумайте о спасеніи своей души.

— Мы любимъ другъ друга, и во что бы то ни стало, вы будете моею,—отвѣчалъ онъ твердымъ голосомъ.

Карабканье продолжалось, я слышала его учащенное дыханіе, затѣмъ все затихало на нѣсколько

мгновеній, очевидно ему приходилось преодолѣть какую-нибудь трудность.

Я молчала, чтобы не отвлекать его вниманія и не увеличить этимъ страшную опасность, существованіе которой мнѣ подсказывало чувство.

— Вотъ и я!—послышался его голосъ, и рука обхватила верхушку стѣны.

Вдругъ что-то, очевидно, поддалось подъ его ногой. Я услышала сорвавшееся съ его устъ проклятіе, паденіе тѣла и затѣмъ стоишь, донесшійся до меня съ той стороны стѣны и пронизавшій меня ужасомъ до мозга костей. Я потеряла сознание, а когда пришла въ себя, кругомъ царила мертвая тишина. Вернувшись въ дортуаръ, я легла, и моментами мнѣ казалось, что происшедшее было только тяжелымъ кошмаромъ.

Я надѣялась, что, слегка раненый, онъ прозрѣлъ свое кощунство и, увидѣвъ въ этомъ крестъ Божій, удалился.

Слѣдующій день было воскресенье. Старый священникъ казался очень взволнованнымъ во время службы. Дрожа, онъ взошелъ на амвонъ, и страшна была его проповѣдь, особенно для меня.

«Дорогія сестры, началъ онъ, я какъ разъ собирался говорить вамъ сегодня о несокрушимой силѣ даннаго обѣта, за малѣйшее уклоненіе отъ котораго Богъ сурово караетъ; но случилось нѣчто болѣе убѣдительно, чѣмъ краснорѣчивыя слова проповѣди».

Старикъ передалъ намъ, что молодой человѣкъ, воръ, хотѣлъ проникнуть въ монастырь. Когда-то онъ былъ однимъ изъ братьевъ христіанскихъ школъ, но бросилъ монашескую рясу и ушелъ въ міръ.

Карабаясь на стѣну, несчастный упалъ и разбился на смерть, раскрывъ себѣ черепъ. Богъ не попустилъ, чтобы онъ совершилъ еще второе преступленіе. Его постигла ужасная кара. Ренегатъ, очевидно, страдалъ ужасно и, можетъ быть, эти страданія дали ему возможность раскаяться. Помолитесь за него, сестры».

Я не могла молиться въ этотъ день. Я была въ ужасномъ состояніи. Мнѣ хотѣлось рыдать, кричать, а надо было сдерживать слезы и крики. Цѣлый мѣсяцъ меня терзала безмолвная дикая боль, которая, безъ Божьей помощи свела бы меня съ ума.

Время, однако, все умиротворяетъ, кромѣ нечистой совѣсти. Мало-по-малу я поняла, что Всевышній, наказавъ меня отечески, вмѣстѣ съ тѣмъ и спасъ.

Съ тѣхъ поръ я ради спасенія этой души, всецѣло посвятила себя Богу и надѣюсь, что Господь услышалъ мои молитвы и сжалился надъ бѣднымъ грѣшникомъ.

Слабымъ прерывающимся голосомъ сестра Евангелина въ свою очередь покалалась.

Настоятельница дала ей совѣтъ, какъ бороться съ искушеніемъ: усердно молиться, никогда не сидѣть безъ дѣла, при всякомъ руководѣніи не давать воли мыслямъ, непрерывно читая по латынѣ «Ave Maria», взволнованныя монахини обмѣнялись подѣлуемъ мира.

Когда сестра Евангелина вышла, настоятельница упала на колѣни и, закрывъ лицо руками, воскликнула:

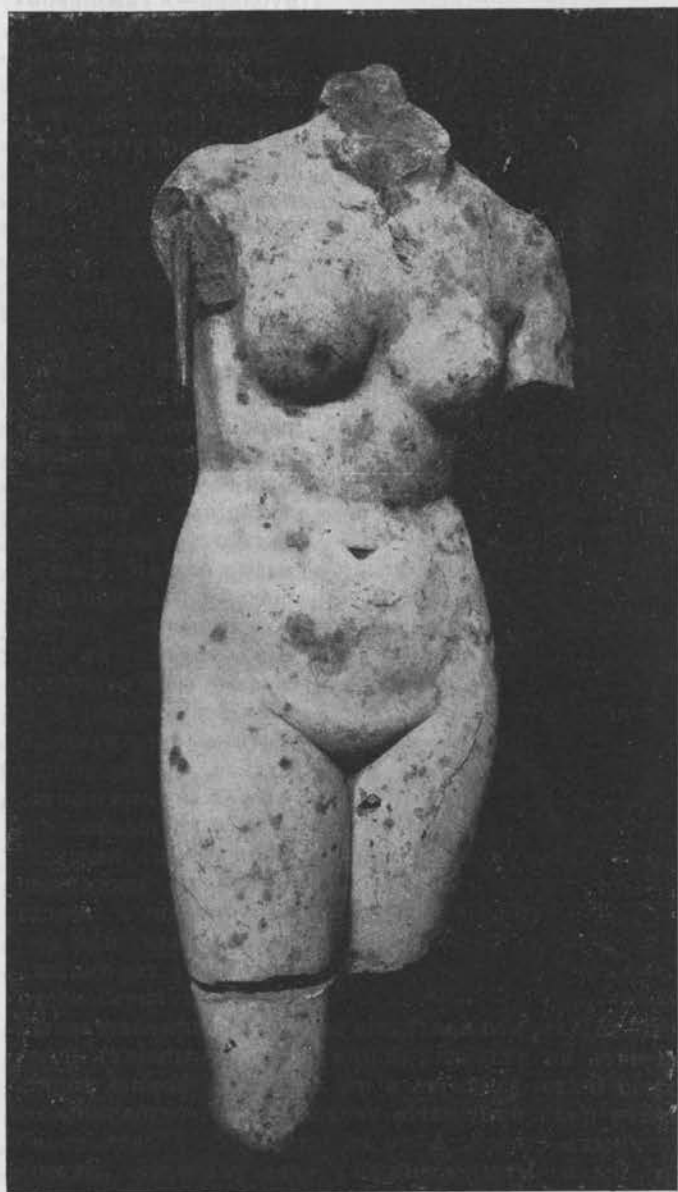
— О, Боже, когда ты простишь меня?.. Не впала ли я въ новый грѣхъ послѣ тридцати пяти лѣтъ слезъ и молитвы. Вѣдь я испытывала грѣховное чувство, рассказывая о своемъ преступленіи и слушая чужое, будившее во мнѣ радостные отклики собственнаго грѣха.

И, рыдая, она долго повторяла слова патера:

«Не вводи насъ въ искушеніе и избави насъ отъ лукаваго».

Перевела С. Гольбергъ.

ТОРСЪ АФРОДИТЫ.

Вновь найденный торсъ Афродиты.

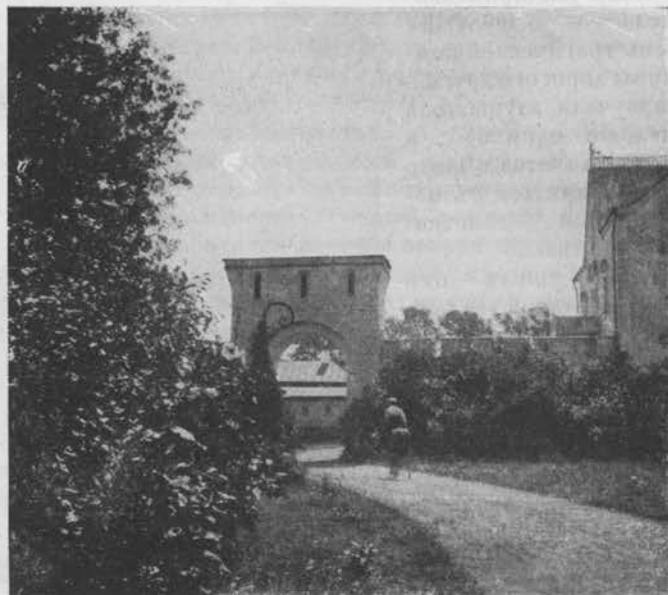
Восемь лѣтъ тому назадъ въ усадьбѣ «Большая Алешня», приобретенной статсъ-секретаремъ А. С. Ермоловымъ, была найдена мраморная статуя, которую со многими другими вещами перевезли въ Петроградъ. Здѣсь статуя, которую считали заурядной садовой богиней, лежала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ среди разнаго хлама въ конюшнѣ до тѣхъ поръ, пока братъ А. С. Ермолова, извѣстный знатокъ античной скульптуры, не призналъ въ ней давно разыскиваемый, пропавшій больше 100 лѣтъ, торсъ Афродиты.

Этотъ торсъ хранился прежде въ Кассельскомъ музеѣ. Въ началѣ прошлаго столѣтія большая часть сокровищъ, находившихся въ этомъ музеѣ, была перевезена въ Парижъ. Среди нихъ была и вышеупомянутая статуя, которая исчезла при перевозкѣ въ Парижъ и по необъяснимой причинѣ оказалась въ Россіи.

Торсъ Афродиты, изображеніе коего мы здѣсь помещаемъ, относится къ IV-му вѣку до Р. Х. и представляетъ собою почти полную аналогію съ Афродитой Медицейской.

Въ Парижѣ появилась специальная брошюра съ точными историческими справками и изображеніями утерянной статуи, которая въ настоящее время составляетъ украшеніе квартиры Н. А. Ермоловой.

Всѣ эти данныя любезно предоставлены редакціи «Вершины» фрейлиной Ея Имп. Велич. Н. А. Ермоловой.

Въ усадьбѣ статсъ-секретаря А. С. Ермолова.

Въ усадьбѣ статсъ-секретаря А. С. Ермолова.

Въ усадьбѣ статсъ-секретаря А. С. Ермолова.

Памяти Э. Л. Раппопорта.

Вот уже промелькнулъ и «девятый» день трагической кончины дорогого друга... отзвучали заунывные мелодии панихиды, а все не хочется вбрызнуть и примириться съ немумолимой действительностью...

Онъ ушелъ отъ насъ въ такой теплый, весенній, яркій солнечный день. Когда его опустили въ могилу солнце бросило на гробъ дѣлый снопокъ яркихъ, казалось, горячихъ лучей. И въ этомъ мнѣ чудилось столько символа. Мгновенно пронеслась мысль: должно быть, когда родился этотъ яркій, хороший человекъ, Господь освѣтилъ его такимъ же теплымъ солнечнымъ лучомъ. Захаръ Львовичъ весь былъ какъ бы отъ яркаго солнца: его страстный темпераментъ, горячая образная рѣчь, ясный умъ и теплое человеческое сердце— все это отъ солнца.

Несмотря на солидный возрастъ (ему было около 55 лѣтъ) Захаръ Львовичъ по внѣшности и по всѣмъ проявленіямъ своей многогранной природы былъ совсѣмъ еще молодой, а въ его рѣчахъ было столько юношеской, весенней свѣжести. Онъ такъ бодро и живо реагировалъ на все, что окружавшей его молодежи становилось иногда даже совѣстно за себя. Помню, стоило ему только появиться среди своихъ сотрудниковъ, какъ тотчасъ что-то закигалось въ атмосферѣ; его бодрое слово будило энергію, гнало къ работѣ и дѣло спорилось. Къ сотрудникамъ своимъ въ частной жизни онъ проявлялъ безконечную теплоту, мягкость и былъ прекраснымъ старшимъ товарищемъ, но въ дѣловыхъ отношеніяхъ былъ очень строгъ: слишкомъ серьезныя требованія онъ предъявлялъ къ адвокату и не любилъ, не понималъ другаго отношенія къ дѣлу. Но превыше всего эта строгость проявлялась въ отношеніи самого себя. Ему не только чужда была столь нерѣдкая въ людяхъ черта—самовлюбленность, но я положительно не помню случая за многіе годы, когда этотъ выдающийся, поистинѣ блестящій ораторъ былъ бы доволенъ собой. Послѣ такихъ славныхъ и вдохновенныхъ рѣчей, которыя приводили въ трепетъ судей и вызывали слезы, доводили до истерики публику, Захаръ Львовичъ уходилъ къ сторонкѣ, робко озирался кругомъ и недовѣрчиво выслушивалъ искренніе комплименты и восхищеніе.

Нечего уже говорить о томъ, что приходилось слышать отъ него по возвращеніи изъ суда: «сѣтъ я положительно сегодня никуда не годился; помилуйте, можно было еще очень многое сказать; а я вотъ пропустилъ такую вѣрную мысль—это нужно, необходимо

было сказать. Что мнѣ публика—я самъ свой высшій судъ и пр.»

Уже было къмѣ-то отмѣчено, въ одномъ изъ некрологовъ, что несмотря на огромную и самую разнообразную гражданскую практику, душа его лежала прежде всего къ уголовнымъ дѣламъ. И действительно, это былъ природный защитникъ. Его жгучій темпераментъ, прекрасный пѣвучій бархатный баритонъ, въ модуляцияхъ котораго было безконечное множество нюансовъ, благородныя пластическія движенія, умѣнье въ каждомъ дѣлѣ отыскать житейскую правду и мотивъ преступнаго случая, подлинная интеллигентность, дечное, душевное отношеніе къ подсудимому и настоящее вдохновеніе всегда располагали присяжныхъ и коронныхъ судей; и какъ часто

я наблюдалъ, что послѣдніе выносили оправдательный вердиктъ по дѣламъ, гдѣ при другихъ условіяхъ легко можно было замкнуться въ холодныя формы закона и уйти подъ прикрытіе уголовныхъ и судопроизводственныхъ статей. А въ гражданскихъ дѣлахъ, какой это былъ мужественный «повѣренный». Захаръ Львовичъ всегда былъ во всеоружіи: прекрасное знаніе дѣла до мельчайшихъ деталей, тонкій анализъ, неизмѣнное стремленіе не слишкомъ убѣгать отъ дѣйствительности въ область абстракцій, ясная, здоровая мысль, которая всегда помогала находить здравый смыслъ въ холодномъ законѣ, необыкновенное мужество, съ которымъ онъ до конца велъ защиту врученныхъ ему интересовъ, обеспечивали ему успѣхъ. Притомъ неизмѣнно его мысли и по гражданскимъ дѣламъ облекались въ прекрасную, изысканную форму. Это былъ эстетъ, истинный художникъ, аристократъ въ лучшемъ смыслѣ. Его коробило отъ всякаго грубаго движенія, малѣйшаго антихудожественнаго проявленія. Онъ никогда не прибѣгалъ у пюпитра къ грубымъ приѣмамъ, къ рѣзкому слову или улавливанью противника; его слово, какъ орудіе, всегда было мягко, изящно, красиво и сочно, но вмѣстѣ съ тѣмъ могуче и смертоносно—совсѣмъ какъ изящно отполированные шрапнельные конусы: красивая форма, какъ въ предметахъ роскоши, гладкая поверхность—какъ въ зеркало смотрѣть можно, но начинка несетъ съ собой смерть.

Хочу вернуться къ проявленіямъ страстной любви покойнаго къ уголовнымъ защитамъ. Для нихъ у Захара Львовича всегда находилось время. Я помню случаи, когда наканунѣ засѣданій по громоздкимъ гражданскимъ дѣламъ являлись со свѣшнымъ уголов-

нымъ дѣломъ. Какъ бы незначительно оно ни было, Захаръ Львовичъ загорался въ мгновеніе, если только усматривалъ мотивъ для защиты; немедленно гражданское «снялось съ очереди» и все вниманіе, весь пылъ отдавался уголовной гастроли; ни о какомъ гонорарѣ и вопроса не возникало: Захаръ Львовичъ, привыкшій къ огромнымъ гонорарамъ, относился къ вопросу о вознагражденіи по уголовному дѣлу по римски; онъ считалъ, что это есть «почетный даръ» и я мысли не допускаю, чтобы онъ когда-либо потребовалъ за защиту, а не сказалъ: сколько можете, столько и заплатите. Помню одинъ характерный случай. Наканунѣ засѣданія въ Московской Судебной Палатѣ къ нему явилась крабкая курсистка, вся въ слезахъ—ее обвиняла въ кражѣ квартирная хозяйка. Почва была романическая; хозяйка была неравнодушна къ студенту, ухаживавшему за курсисткой. Дѣло стояло для бѣдной дѣвушки скверно, улики сложились для нея фатально и судья могъ упечь несчастную въ тюрьму. Я наблюдалъ Захара Львовича во время разсказа дѣвушки. Его глубокіе глаза зажглись и ушли еще дальше, въ мѣткихъ вопросахъ звучали гнѣвные ноты—онъ почувствовалъ всю обиду, душа его затрепетала: «приходите сегодня же въ 9 час. вечера ко мнѣ съ Вашимъ другомъ; я Васъ буду защищать». Немедленно посланы были въ Москву «новые документы» въ Палату, а противнику—слезница, чтобы не спорилъ и снѣлъ дѣло. Все неотложное было отложено, Захаръ Львовичъ отдался маленькому несчастному дѣлу и вечеромъ по телефону звалъ меня къ себѣ безъ отговорокъ «на страницу о курсисткѣ». Много часовъ въ тотъ и слѣдующій день провелъ Захаръ Львовичъ въ обществѣ курсистки и студента; изслѣдованы были всѣ детали отношеній до мельчайшихъ подробностей, Захаръ Львовичъ заглянулъ глубоко въ душу молодой дѣвушки, проникся ея бѣдой весь безъ остатка и съ трепетомъ ждалъ боя.

Утромъ, въ день защиты, онъ вышелъ въ кабинетъ, какъ всегда изящный отъ кончика сапога до корня волосъ; блѣдное строгое лицо, но видъ праздничный; чувствовалось во всей его фигурѣ, что предстоитъ очень большое, важное дѣло (это у мирового судьи по 169 ст. Уст. о нак.). Пріѣхали въ одинъ изъ отдаленныхъ мировыхъ участковъ. Грязная камера, обычная публика мирового участка. Судья—обрюзгшій, немолодой блондинъ, вяло разбираетъ маленькія обывательскія прегрѣшенія, иногда покрикивая на стороны и свидѣтелей. Захаръ Львовичъ нервно ходитъ по грязному корридору и безконечно курить, не рѣшаясь просить судью заслушать виѣ очереди. Только къ четвертому часу выкликаютъ его дѣло. Всѣ симпатіи судьи по началу были на сторонѣ хозяйки и онъ явно недружелюбно отнесся къ курсисткѣ.

Не стану передавать подробностей допроса свидѣтелей, который покойный велъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и тонкостью, успѣшно вскрывая всю подоплеку дѣла. Но чувствовалось, что судья не желаетъ сойти съ позиціи и продолжаетъ задавать «ехидные» вопросы курсисткѣ и свидѣтелямъ. Слово защитника—я его никогда не забуду. Прошло съ тѣхъ поръ лѣтъ восемь, а оно, вдохновенное, мощное, идущее отъ сердца къ сердцу еще и сейчасъ звучитъ въ моихъ ушахъ. Сначала судья старался даже не слушать, очевидно скептически даже подумывалъ, что можетъ сказать, когда такъ ясно. Но когда Захаръ Львовичъ въ удивительно мягкихъ тонахъ, съ рѣдкой красотой и лиризмомъ, захватывающе интересно сталъ цитировать одну изъ прекрасныхъ страницъ *Scènes de la vie de bohème* Henri Murger. Судья задвигался въ креслѣ, пересталъ писать,

установился на защитника, весь какъ бы подался впередъ и когда прозвучали послѣднія прекрасныя слова оратора въ камерѣ плакали (я самъ, помню, смахнулъ навернувшіяся слезы), а судья нѣсколько разъ громко и на-распѣвъ повторилъ: «хорошо, хорошо».

Бѣдная дѣвушка оправдана и счастьемъ Захара Львовича не было границъ, онъ ликовалъ, а знали объ этомъ дѣлѣ только ближайшіе сотрудники, судья и свѣрая публика камеры. Чуждый рекламы, Захаръ Львовичъ не озаботился путемъ печати познакомить публику съ этимъ перломъ своего краснорѣчія; а стоило изъ такого маленькаго эпизода покойный сумѣлъ создать цѣлую поэму.

Хочется указать еще на одну черту покойнаго: какъ мужественно онъ искалъ правды въ дѣлѣ и бывалъ искренне возмущенъ, когда она, по тѣмъ или инымъ причинамъ, ускользала отъ судей. Припоминаю одно небольшое сравнительно дѣло въ Гражданской Палатѣ. Какъ всегда обстоятельныя и сильныя объясненія покойнаго. Но противнику (нынѣ уже покойному) удалось, благодаря процессуальному фокусу въ послѣднемъ словѣ, благопріятно для него направить Палату, а строгій предсѣдатель не далъ слова Захару Львовичу и дѣло было проиграно. Я не помню болѣе гнѣвнаго Захара Львовича: глаза загорѣлись, онъ тяжело дышалъ, нервно кричалъ, спускался по лѣстницѣ Суда, что послѣ такого рѣшенія надо сорвать съ себя адвокатскій значокъ съ символомъ закона (и дѣйствительно рвалъ его съ фрака). Еле удалось успокоить его. А онъ все повторялъ: «подумайте, правда ушла отъ судей». Дѣло было перенесено въ Сенатъ и тамъ покойный получилъ удовлетвореніе—рѣшеніе Палаты было кассировано.

Много интереснаго можно было бы еще разсказать изъ дѣятельности этого выдающагося адвоката, но рамки статьи того не позволяютъ.

Мнѣ хотѣлось бы еще отмѣтить въ Захарѣ Львовичѣ одну черту, которая, къ великому огорченію, благодаря свойству его натуры, не могла вывиться во всей силѣ и красотѣ. Немногимъ, только его близко знавшимъ, было видно, какая общественность жила въ этомъ человѣкѣ. Онъ отзывался на всякое доброе общественное начинаніе, но никогда не могъ уложиться въ рамки какой-либо партіи съ одной стороны, а съ другой—не могъ побороть въ себѣ особой гордости: ему всегда, казалось, что приходя къ общественнымъ заправиламъ, онъ какъ бы навязываетъ имъ себя. Всѣмъ извѣстно, какъ часто среди людей искренне преданныхъ общественнымъ дѣламъ, попадаются узурпаторы власти съ мишурной славой спасителей націи, народа, отечества. Покойный боялся этихъ людей, сторонился ихъ и не могъ одолѣть своего къ нимъ глубокаго презрѣнія. Этого чувства онъ не могъ побороть въ себѣ, итти на поклонъ къ этимъ заправиламъ онъ считалъ ниже своего достоинства и съ болью въ сердцѣ уходилъ отъ горячо любимаго общественнаго начинанія.

Я не хочу больше беречь эти раны живого духа Захара Львовича, который въ могилу унесъ съ собой благоговѣнное, подлинное преклоненіе передъ общественнымъ долгомъ, которому онъ всю жизнь такъ страстно хотѣлъ служить и чему всегда такъ обидно мѣшали обстоятельства, виѣ его лежавшія: онъ не умѣлъ сгибаться, былъ плохимъ политикомъ въ отношеніяхъ съ людьми, очень прямолинейно проявлялъ свою готовность служить дѣлу, а не лицамъ.

Здѣсь умѣстно напомнить одинъ изъ первыхъ политическихъ процессовъ, относящихся къ ликвидаціи «1905 года».

Читателю уже ясно, съ какимъ трепетомъ и благоговѣннѣмъ покойный долженъ былъ готовиться къ этому дѣлу.

Скажу опредѣленно: Захаръ Львовичъ священнодѣйствовалъ. И вотъ результаты, о которыхъ еще недавно мнѣ рассказывалъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ и талантливыхъ защитниковъ Г. Въ этомъ большомъ и отвѣтственномъ дѣлѣ участвовали лучшія силы петроградской адвокатуры; тутъ были на лицо *dei majores et minores*. По окончаніи процесса, одинъ изъ нихъ, извѣстный, убѣжденный и сильный ораторъ, искушенный и побывавшій въ бояхъ, умолчалъ рѣшительно обо всѣхъ, отозвавшись съ восторгомъ лишь о талантливой, мощной рѣчи Захара Львовича.

И несмотря на весь огромный трудъ, который Захаръ Львовичъ несъ въ теченіе многихъ лѣтъ, на Сизифову работу по юрисконсультствамъ, кабинету и непрерывнымъ выступленіямъ въ судахъ здѣсь и въ провинціи, онъ былъ полонъ стремленій къ красотѣ и изяществу, въ чемъ бы онъ не проявлялся, въ совершенствѣ постигъ *savoir vivre*. Онъ тонко понималъ красивую картину, хорошую пьесу и книгу, которыя воспринималъ не просто, а смакуя какъ

истый художникъ. И когда я увидѣлъ на первой паныхидѣ по усопшемъ растеряннаго Качалова, сосредоточеннаго Станиславскаго, Лилину въ слезахъ, Давыдова съ нервными подергиваніями на лицѣ—я нисколько этому не удивился: подлинныя художники, знавшіе, очевидно, вдохновенную красоту художника-Раппопорта, тонко чувствовали и глубоко понимали, чей группъ съ гордымъ, спокойнымъ лицомъ лежалъ предъ ними.

Въ этомъ молодомъ, живомъ человѣкѣ удивительно гармонично и мощно звучали и, казалось, еще долго будутъ звучать всѣ дивныя инструменты весны; и можно съ увѣренностью сказать, не менѣе сочны и задушевные были бы лирическія мелодіи его «скрипокъ осеннихъ»... Много еще славныхъ юбилеевъ дорогого друга предстояло намъ отпраздновать...

Но Господь судилъ иначе... Неумолимый рокъ вырвалъ всѣ эти инструменты, свалилъ ихъ въ одну груду разбитыхъ щепокъ и безжалостно поставилъ точку тамъ, гдѣ только должна была начаться настоящая славная жизнь...

Невыразимо больно искать утѣшенія въ философическихъ абстракціяхъ...

О. Д. Кейзеръ.

Содержаніе.

«Почтальонъ». Стих.—*Валентинъ Горянский*. «Фатма». Разсказъ—*Георгій Павловъ*. «Лѣсная могила».

Стих.—*Сергій Алаповъ*. «Наточка». Разсказъ—*Юрій Зубовскій*. «Исповѣдь». Лео Шарадъ—перев.

С. Голберъ. Памяти *З. Л. Раппопорта*—*О. Д. Кейзеръ*.

На основаніи закона 20 марта 1911 года перепечатка литературнаго и художественнаго матеріала настоящаго номера воспрещается.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО М. М. ГУТЗАЦА.

Петроградъ, Захарьевская, 9.

Сочиненія Н. Бунакова.

„Азбука и уроки чтенія и письма“. Съ 241 рис. въ текстѣ. Ц. 25 к.

„Книжка-Первника“. Чтеніе послѣ азбуки, съ картинками и задачами для самостоятельныхъ работъ. Ц. 15 к.

„Въ Школѣ и Дома“. Книга для чтенія, примѣненная къ преподаванію родного языка въ начальныхъ училищахъ:—Часть I-я—второй годъ обученія, ц. 40 к. Часть II-я—третій годъ обученія, ц. 60 к. Часть III-я—Хрестоматія для городскихъ училищъ, ц. 75 к.

„Живое Слово“. Учебная книга для начальной школы, въ трехъ частяхъ: Часть I-я—ц. 30 к. Часть II-я—ц. 40 к. Часть III-я—ц. 50 к.

„Грамматическія и орфографическія упражненія въ начальной народной школѣ“—ц. 15 к.

Руководство для занятій въ народной школѣ по книгѣ для чтенія „Въ Школѣ и Дома“. Ч. I и II, съ темами, планами и примѣрами постепенныхъ письменныхъ упражненій для наученія самостоятельно излагать свои мысли—ц. 30 к.

Руководство къ обученію грамотѣ по книгѣ „Азбука и уроки чтенія и письма“—ц. 15 к.

„Родной языкъ“ какъ предметъ обученія въ начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ—ц. 1 руб.

„Школьное Дѣло“. Учебный матеріалъ, проработанный на учительскихъ съѣздахъ и курсахъ за тридцать лѣтъ (1872—1902 г.)—ц. 1 р.

„Школьный годъ“. Распределеніе учебныхъ занятій и самостоятельныхъ ученическихъ работъ въ начальной народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ и съ тремя отдѣленіями, при одномъ учителѣ—ц. 25 к.

Сочиненія А. Бунакова.

Синтаксисъ Русскаго языка. Руководство къ изученію элементарнаго синтаксиса—ц. 50 к.

Николай Феодоровичъ Бунаковъ, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ, сост. Л. В. Македоновымъ—ц. 30 к.

Сочиненія Н. де-Жоржъ.

Курсъ элементарной тригонометріи и собраніе примѣровъ и упражненій. А. Ребьера—ц. 85 к.

Элементарная алгебра. А. Босъ—ц. 2 р. 50 к.

Элементарный курсъ ариметини. Аббата Е. Желена—ц. 1 р. 10 к.

Курсъ элементарной геометріи. А. Боса и А. Ребьера—ц. 1 р. 50 к.

Образцы рѣшенія геометрическихъ задачъ помощью тригонометріи, съ приложеніемъ задачъ и таблицы тригонометрическихъ формулъ Н. де-Жоржъ—ц. 50 к.

Сочиненія М. Вольпера.

„Русская Рѣчь“. Учебное руководство, примѣненное къ обученію русскому языку тѣхъ дѣтей, которыя при поступленіи въ школу не умѣютъ говорить по русски.—Первый выпускъ: Букварь—ц. 20 к. Второй выпускъ: Первая послѣ буквы книжка для чтенія—ц. 30 к. Третій выпускъ: Книга для чтенія—ц. 50 к.

Руководящія замѣтки о преподаваніи русскаго языка иногородцамъ по всѣмъ тремъ выпускамъ „Русской Рѣчи“ и „Практической русской грамматики“—ц. 30 к.

Сборникъ статей образцовыхъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. Продолженіе руководства „Русская Рѣчь“—ц. 75 коп.

Толкователь словъ, фразъ и оборотовъ, встрѣчающихся во 2-мъ и 3-мъ выпускахъ „Русской Рѣчи“, въ двухъ частяхъ: Часть I-я—пособіе ко второму выпуску—ц. 20 к. Часть II-я—пособіе къ третьему выпуску—ц. 30 к.

Практическая русская грамматика. Учебное руководство, служащее дополненіемъ къ „Русской Рѣчи“, съ 688 письменными упражненіями—ц. 30 к.

Этимологія русскаго языка въ таблицахъ. Необходимое дополненіе къ учебникамъ по русской грамматикѣ—ц. 30 к.

Сочиненія В. Гербача.

Методическое руководство къ обученію письму. Пособіе для родителей, учителей, учит. инст. и семин.—ц. 60 к.

Руководство къ обученію письму—прописи русскія, составленныя по поруч. Учебн. Ком. при Св. Синодѣ—ц. 40 к.

Прописи французскія, со сборникомъ примѣровъ для самостоятельныхъ упражненій въ правописаніи—ц. 40 к.

Прописи нѣмецкія, со сборникомъ примѣровъ для самостоятельныхъ упражненій въ правописаніи—ц. 40 к.

Прописи латинскія и греческія—ц. 30 к.

Русская скоропись. Упраженія для развитія свободнаго движенія руки и приобрѣтеніе четкой скорописи—ц. 40 к.

Русскія прописи круглаго шрифта и образцы другихъ болѣе употребительныхъ шрифтовъ—ц. 50 к.

Прописи и образцы для рисованія по клѣткамъ, составляющіе необходимое пособіе для самостоятельныхъ занятій учениковъ народныхъ школъ—ц. 10 к.

Уроки чистописанія, составленные согласно указаніямъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта—ц. 20 к.

Русскія прописи, составленные согласно указаніямъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта—ц. 10 к.

Прямое письмо. Новыя русскія прописи, какъ пособіе для начального обученія въ школѣ и дома—ц. 20 к.

Образцы прямого письма. Пособіе для начальныхъ училищъ—ц. 10 к.

Прописи правописанія. Сборникъ каллиграфически исполненныхъ примѣровъ на важнѣйшія орфограф. правила—ц. 20 к.

Образцы дѣловыхъ бумагъ и писемъ, встрѣчающихся въ крестьянскомъ обиходѣ—ц. 15 к.

Школа чистописанія для самостоятельныхъ занятій учащихся въ школѣ и дома: а) Русскіе образцы косогаго письма въ восьми тетрадахъ. б) Русскіе образцы прямогаго письма въ семи тетрадахъ. в) Французскіе образцы косогаго письма въ двухъ тетрадахъ. г) Французскіе образцы прямогаго письма въ двухъ тетрадахъ. д) Нѣмецкіе образцы косогаго письма въ двухъ тетрадахъ. е) Нѣмецкіе образцы прямогаго письма въ двухъ тетрадахъ. Цѣна каждой тетради 10 коп.

Сочиненія К. Ельницкаго.

Общая педагогика—ц. 75 коп.

Курсъ дидактики—ц. 75 коп.

Основы начального школьнаго воспитанія и обученія—ц. 60 к.

Методика начального обученія отечествен. языку—ц. 75 к.

Очерки по исторіи педагогикѣ—ц. 75 к.

Русскіе педагоги второй половины XIX столѣтія. Для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподавал педагогика—ц. 65 к.

Педагогическая хрестоматія. Для учебныхъ заведеній и занимающихся воспитаніемъ—ц. 1 р. 25 к.

Теорія словесности—ц. 75 к.

Условія успѣшности обученія въ начальной школѣ—ц. 20 к.

Мысли и чувства, выраженныя въ поэтическихъ произведеніяхъ—ц. 40 к.

Воспитаніе и обученіе въ семьѣ и школѣ—ц. 80 к.

Характеристика дѣвочень—ц. 50 к.

К. Д. Ушинскій. Его жизнь, дѣятельность и педагогическіе труды—ц. 25 к.

Исторія Сибири и Среднеазиатскихъ владѣній Россіи. Учебное пособіе—ц. 1 р.

Объяснительное чтеніе стихотвореній и басенъ, изучаемыхъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—ц. 1 р. 50 к.

Школьное обученіе—ц. 75 к.

Учебникъ законовѣдѣнія для среднихъ учебныхъ заведеній—ц. 75 к.

Преподаваніе педагогикѣ. Введеніе преподаванія педагогикѣ въ VIII-мъ, педагогическомъ, классѣ женской прогимназіи—ц. 25 к.

Обученіе грамотѣ, чтенію и письменному изложенію мысли и грамматикѣ—ц. 75 к.

Изъ записной тетради стараго учителя—ц. 40 к.

Краткосрочные педагог. курсы—ц. 20 к.

Классное чтеніе произведеній, изучаемыхъ въ начальныхъ школахъ—ц. 50 к.

КАРАМЪ БЕЗЪДЪКА

ШОКОЛАДЪ

КОНФЕКТЫ

ПЕЧЕНЬЕ

КАКАО

ВАФЛИ

ПЕТРОГРАДЪ

